

К. Ф. ШАЦИЛЛО

<Предисловие к «Дневникам императора Николая II»>*

В последние годы интерес к отечественной истории резко возрос. Почти в каждом номере любого из журналов появляются публицистические статьи, авторы которых привлекают историю себе в союзники.

Причина всплеска этого почти всенародного интереса к «делам давно минувших дней» понятна и легко объяснима: слишком долго стреноженная история могла передвигаться лишь на разрешенной и строго ограниченной площади, слишком многие события прошлого трактовались недобросовестными «учеными мужами» откровенно лживо, слишком часто «административный кляп» вставлялся в рот тому, кто хотел приоткрыть его, чтобы хоть что-нибудь рассказать о запрещенных темах.

Так в истории образовался вакуум, масса белых пятен, которые теперь пытаются заполнить люди, часто без необходимых более или менее фундаментальных исторических знаний. Но даже самые добросовестные публицисты и журналисты оказались в нелегком положении: читатель набрасывается на любую историческую тему, спрос, естественно, рождает потребность его удовлетворить,

* Впервые: *Шацилло К. Ф.* Предисловие // Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 3–34. Печатается по этому изданию.
Шацилло Корнелий Федорович (1924–1998) — московский исследователь, доктор исторических наук, профессор. С 1958 г. работал в Институте истории Академии наук СССР (с 1992 г. — ИРИ РАН). В 1987–1993 гг. — профессор МГИАИ. В 1990–1995 гг. был главным редактором журнала «История СССР» (с 1992 г. — «Отечественная история»). Специализировался на изучении экономической, социальной и политической истории России эпохи императора Николая II. — *Примеч. сост.*

а без профессионального знания истории скороспелые опусы на исторические темы так же далеки от истины, как и тошнотворно-сладкий сироп, которым пытались поить читателя еще в недавнее время.

Действуя по методу «от противного», малоквалифицированные авторы стали поступать очень просто: менять плюс на минус и наоборот. Способ этот в принципе ничем не отличается от бесконечного перелицовывания истории «в свете последних решений», который был привнесен в науку при Сталине и оказался не только удобным, но и просто необходимым для некоторых из его преемников.

Как же быть? Как превратить историю из «окультурной науки» в науку подлинную, развивающуюся по своим законам, а не по указаниям «вышестоящего» начальства? Выход один: прежде чем взяться за перо, автор должен тщательно ознакомиться с максимально доступным для него количеством фактов: без этого одна полуправда сменит другую полуправду.

Кардинальным вопросом истории нашей страны в XX в. стал вопрос о революциях. Канонизированный ответ «Краткого курса», что революции в России происходили потому, что их подготовили и возглавили большевики (в лучших работах более честных историков — и другие революционные партии: упоминалось, например, что даже Октябрьскую революцию большевики совершили в союзе с левыми эсерами), по сути дела, «смазывал» проблему их общенародного характера и «взрывного», стихийного начала (за исключением Октября 1917 г.). Подобный постулат «Краткого курса» некоторыми из слишком уж ретивых публицистов ныне отбрасывается и заменяется другим, но тоже неверным ответом: поскольку революции слишком дорого обошлись народам России, а итогом имели культ личности Сталина со всеми его трагическими последствиями, то лучше было вообще обойтись без них. Ведь все теперь признают альтернативность исторического процесса, а поскольку есть только две формы прогресса — реформы или революция — то раз «плоха» вторая форма, нужно было как-нибудь обойтись без нее.

Истории противопоказано сослагательное наклонение; гадать на тему «что было бы, если бы чего-то не было бы» не удел историка. Цель его — проанализировать максимально доступную сумму фактов и объяснить, почему случилось так, а не иначе, почему Россия в начале XX в. пошла по пути революции, а не реформ. От-

вет на этот вопрос надо искать не в гипотезах, а в поиске и анализе исторических документов и их публикации. Причем публикации объективной, при которой читатель может ознакомиться не только с документами, вышедшими из-под пера сторонников революции, но и с мнением либералов, поборников реформистского пути, и с документами оголтелых приверженцев самодержавия, заявлявших, что этот строй настолько хорош и в полной мере отвечает интересам русского народа, что альтернативы ему в России нет.

Именно таких убеждений и придерживался последний российский самодержец, дневники которого мы предлагаем вниманию читателя.

Ценность любых дневников непреходяща, но она, естественно, тем больше, чем ближе стоит их автор к эпицентру крупных исторических событий. В этом отношении дневники самодержавных монархов особенно уникальны, ибо при неограниченном самодержавии «самодержец» и есть главный элемент политического строя.

Можно представить себе, с каким внутренним трепетом и волнением исследователь просматривает опись личного фонда последнего русского самодержца (ЦГАОР. Ф. 601. Личный фонд Николая II. Оп. 1) и узнает, что в нем хранится пятьдесят толстых тетрадей за 36 лет — с 1.1.1882 (в этом году Николаю исполнилось 14 лет) до 30 июня 1918 г.* Еще большую радость испытывает исследователь, когда берет в руки эти объемистые тетради в сафьяновом переплете и видит, что ровным, аккуратным почерком, *не пропустив ни одного дня*, Николай Александрович Романов делал поденные записи.

Возникает и другой, чисто бытовой интерес: а как и чем жил этот богатейший человек нищей России, имевший не только несколько великолепных дворцов с уникальными коллекциями картин, но и 66 млн десятин земли (!), получавший ежегодно из государственного бюджета 1,5 млн руб. золотом на «личные расходы»? Чем он увлекался? Вел ли жизнь богатого кутилы, страстного коллекционера или, как скупой рыцарь у А. С. Пушкина, складывал рублик к рублику, видя в этом весь смысл своего существования?

* Из этих дневников опубликованы записи с 1 по 31 июля 1914 г. [Красный архив. 1934. № 3 (64)] и с декабря 1916 по 30 июня 1918 г. [Там же. 1937. № 1–3 (20–22); 1928. № 2 (27)]. Частично они были изданы и за границей: Дневники императора Николая II. Берлин, 1923.

Но чем больше читаешь дневниковые записи, тем больше поражаешься: ни одной мысли, ни одного раздумья, ни одного сомнения. Лишь чисто внешняя канва событий, прошедших перед глазами за прожитый день. Сначала закрадывается подозрение: может быть, владелец дневников сознательно утаил в них оценки всего виденного? Ведь не может же «хозяин земли Русской» (как царь сам определил свою профессию при всеобщей переписи в 1897 г.), земли, раскинувшейся на одной шестой суши и пережившей за неполных двадцать лет две войны и три революции, быть таким безразличным к судьбе России! Но дневники явно не предназначались ни для истории, ни для чтения чужим глазом: в них слишком много личных и даже интимных подробностей. В чем же дело? Ответ может быть лишь один: царь записывал то, что ему было *интересно*, а интересовало его только то, и исключительно то, что касалось его семьи? Разумеется, следует помнить: Николай Александрович твердо считал, что сохранение самодержавия в стане — это тоже чисто семейное дело, в которое никто не имеет права «сுவать нос»!

Но если для понимания хода исторических событий дневники почти ничего не дают, то они ярко рисуют характер человека, почти четверть века стоявшего у кормила крупнейшей мировой державы и сыгравшего роковую роль в судьбах народов Российской империи, всей династии Романовых и своей собственной семьи. Он, и только он, несет главную ответственность за все те трагические события, которые сотрясали страну в первые два десятилетия XX в. Путь его в дом купца Ипатьева, где он с семьей был расстрелян в 1918 г., им добровольно не выбирался, но он стал неизбежным следствием его бесславного царствования. Кому много дается, с того много и спрашивается. Эта поговорка применима и в житейских буднях, и к персонам истории. О последнем мы, к сожалению, часто забывали в течение многих десятилетий, сваливая все на «объективные законы истории». Никто не подумает обвинить В. И. Ленина в отрицании «железных законов исторического материализма», а ведь именно он в сентябре 1906 г., учитывая почти двухлетний опыт первой революции, написал о реальной возможности различных решений одного из важнейших и самых болезненных вопросов того времени следующие слова: «Выкуп помещичьих и других земель по типу кадетской аграрной реформы помазал бы по губам все крестьянство и великолепно достиг бы той цели, к которой

по-медвежьи “ломит” самодержавие, именно: укрепил бы страшно крестьянскую буржуазию, сделав из нее оплот “порядка”. Но, — добавлял В. И. Ленин, — Романовы, Треповы, Игнатьевы и Столыпины *слишком глупы* (подчеркнуто мною. — *К. Ш.*), чтобы понять это»*. Перед Николаем II был выбор из нескольких решений. Почему же осуществилось то, которое привело его, горячо им любимых жену и детей в подвал Ипатьевского дома? Вот на этот вопрос дневники позволяют получить ответ, и в этом их бесспорная историческая ценность.

Перед читателем дневников Николая II проходит вся жизнь 50-летнего человека, вырисовывается сложный характер, понять который до конца можно только зная и то, что не пишется в дневнике, что рассыпано во многих архивах в виде резолюций на полях «всеподданнейших» докладов министров и губернаторов, занесены в дневники и воспоминания людей, часто встречавшихся с царем.

Записи детских лет обращают на себя внимание необычным педантизмом автора дневника. За всю жизнь (кроме лета 1918 г.) не было ни одного радостного или печального дня, который помешал бы Николаю II ровным, аккуратным почерком вписать в дневник хоть несколько строк. Он педантичен до мелочей: ему ничего не стоит во фразе: «Лег спать в 10 с половиной часов» зачеркнуть «половину» и поставить «четверть»; перечисляя десяток обедавших (это отмечалось в дневнике, за малым исключением, ежедневно), на другой день вставить пропущенную «тетю Эллу» или «дядю Николашу». Столь же аккуратно он фиксирует состояние погоды и ее изменения в течение дня. Мы не узнаем из дневников, чему учился Николай в детстве, что поразило или хотя бы удивило его, но что в январе-феврале 1882 г. он читал «Хижину дяди Тома» — это отмечено**. Отмечено, сколько щук он поймал на рыбалке, а позже — сколько дичи застрелил на «охоте». (Правда, вряд ли можно назвать охотой избиение живности, которую выгоняли на него загонщики.) Конец 1895 г. завершается бухгалтерским подсчетом: «За все время убито мною 3 зубра, 28 оленей, 3 козы, 8 кабанов, 3 лисицы — 45». Перечислив по такой же схеме успехи других 14 «охотников», он подводит итог первому году царствования: «Итого 11 зубров,

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 386.

** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217. Л. 27.

1 лось, 190 оленей, 69 коз, 31 лиса, 134 кабана. Всего 474. Выстрелов 1679»*. Если нет под рукой зубров и оленей, в ход идет другая живность. «Гулял и убил ворону» (8 ноября 1904 г.). «Убил кошку. После чая принял князя Хилкова, который только что вернулся из поездки на Дальний Восток» (8 мая 1905 г.). Что рассказывал вернувшийся с войны князь Хилков, куда менее важно, чем убитая кошка.

В отличие от младшего брата Михаила, шутника и шалопаю, который мог окатить из ведра батюшку-императора в полной парадной форме, Николай рос послушным и стеснительным ребенком. В 1883 г. Александр III с семьей посетил лицей цесаревича Николая в Москве. При проходах все смешалось — лицеисты бросились поближе к царю. Младший Михаил растолкал своих сверстников и встал рядом с отцом. «Наследник (Николай. — *Ред.*) очутился в толпе лицеистов. Его, беднягу, затолкали, и он стал испуганно пищать: “Пропустите, пожалуйста, и я царская фамилия”. Я помню, мы много смеялись над этой “царской фамилией”», — вспоминал один из лицеистов**.

Как водилось у российских императоров, Николай получил домашнее образование, но явно недостаточное для того, чтобы управлять колоссальной мировой державой. В детстве гувернером у него был англичанин Ч. Хит, прививший своему подопечному любовь к спорту и английскому языку. Позже «духовным» наставником цесаревича стал генерал Данилович — человек недалекий и крайне реакционных взглядов. Затем, дабы оградить своего сына от тлетворного влияния «кромольных» идей, Александр III поручил воспитание сына близкому другу и крайнему реакционеру князю В. П. Мещерскому, не испугавшись скандальной известности, которой пользовался в России этот аморальный, но ловкий человек. Когда пришла пора «серьезного» обучения, на учителей не скупилась: военную организацию, один из главных предметов для «верховного вождя» армии (и такой титул носили русские самодержцы), преподавал профессор Генерального штаба, будущий военный министр А. Ф. Редигер; историю — крупнейший ее знаток, острослов В. О. Ключевский. Когда его спрашивали об успехах царских детей, он, слегка сощурив хитрые глаза, отвечал:

* Там же. Д. 248. Л. 181.

** ЦГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 12. Л. 5. Воспоминания Ф. А. Головина.

«Николай послушный мальчик, а Михаил — умный!». «О наследнике мало говорили, еще меньше писали, — вспоминал все тот же Ф. Головин. — Ходившие о нем слухи в обществе были неутешительны. Говорили, что он человек больной, со слабой волею и слабым умом. Сплетничали о его связи с балериной Кшесинской, о том, что эта связь была подготовлена по желанию Александра III как лекарство от дурной привычки, которой страдал Николай»*.

Особенно сильное и поистине роковое влияние оказал на воспитание слабовольного и мистически настроенного юноши обскурант и мракобес, бывший профессор Московского университета обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Именно в 80–90-е гг. он достиг максимального влияния на дела в государстве. «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», — писал об этом времени А. А. Блок. Обер-прокурор Синода не просто внушал своему ученику, что «нет власти еще от бога», что «самодержец российский есть помазанник божий, коему каждый подданный беспрекословно повиноваться должен». Он убеждал и убедил его в том, что самодержавие есть единственно возможный тип политического устройства России, что оно — надежный обруч, которым крепится разноплеменная и разноязыкая империя, что все «истинно русские люди» не просто «обожают», но и не мыслят себе иного государственного строя, что «конституция — великая ложь нашего времени» и требуют ее только враги России — интеллигенты и инородцы, для того чтобы держава Российская, защищающая интересы всего народа русского, быстрее бы развалилась.

Мысли Победоносцева наследник усвоил крепко и на всю жизнь. Во всем же остальном учеба нелегко давалась венценосному лентяю, тем более что по странной традиции спрашивать великих князей учителя не могли: они давали им письменные задания, в которых исправляли найденные ошибки. В итоге такого своеобразного курса обучения Николай оказался весьма посредственно образованным человеком. Единственное, что он основательно знал, — это языки. Свободно говорил и писал по-английски, по-французски, по-немецки. Однако русский язык его был убог, а часто просто безграмотен: «Пожарные поливали сад и мы вымочились там», — записывает он в дневнике

* Там же. Л. 6.

в 14 лет*. «Подходя к Севастополю начало покачивать», — в двадцать шесть лет**.

А глубокие знания, широкий политический кругозор, да хотя бы просто здравый смысл, нужные любому государственному деятелю, были совершенно необходимы неограниченному самодержцу, особенно на рубеже XIX–XX вв., когда Россия напрямик шла к революции. 6–9 ноября 1904 г. в Петербурге состоялся общеземский съезд представителей местного самоуправления, на котором большинство делегатов высказалось за введение в стране законодательного собрания, политических свобод и амнистию политических заключенных. Перепуганный министр внутренних дел спешно потребовал у царя внеочередного доклада, однако сообщенные сведения не обеспокоили царя. Что же волновало Николая II в эти дни? Вот запись от 11 ноября 1904 г. «Убил 144 фазана, всего убито 522. Фазанов 506, зайцев 16. Вернулся в Царское Село в 4 часа. Милица пила с нами чай. Принял доклад Мирского»***. Что докладывал Мирский, как отреагировал царь на признаки приближавшихся социальных потрясений — из дневника нам не узнать. Он не увидел приближения первой российской революции, так же как и второй в феврале, и третьей в Октябре 1917 г.

Но вернемся в еще спокойные дни отрочества и юности. Окончание образования Николай, опять-таки по семейной традиции, «завершил» в лейб-гвардии гусарском, а затем Преображенском полку, где ничему не мог научиться, кроме десятка строевых команд да умению пить водку во время многочисленных полковых праздников. Служа под началом своего дяди, вел. кн. Николая Николаевича, наследник был вовлечен и в беспробудное пьянство, которое было неотъемлемой частью жизни «лихих гусар». Вот как описывал времяпровождение своих однополчан В. П. Обнинский: «Пили зачастую целыми днями, допиваясь к вечеру до галлюцинаций... Так, нередко великому князю и разделявшим с ним компанию гусарам начинало казаться, что они уже не люди, а волки. Все раздевались тогда донага и убегали на улицу... Там садились они на задние ноги (передние заменялись руками), поднимали к небу свои пьяные головы

* ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217. Л. 170.

** Там же. Д. 233. Л. 122.

*** Там же. Д. 248. Л. 34.

и начинали громко выть. Старик буфетчик знал уже, что нужно делать. Он выносил на крыльцо большую лохань, наливал ее водкой или шампанским, и стая устремлялась на четвереньках к тазу, лакала языком вино, визжала и кусалась»*. К концу «стажировки» Николай, вообще-то не отличавшийся страстью к горячительным напиткам, по свидетельству очевидцев, цветом лица стал походить на настоящего забулдыгу. Однако вопреки широко распространенному мнению царь не был пьяницей. Может быть, только в самый последний год своего царствования, когда ощущение неминуемой гибели династии стало общепризнанным, он стал искать забвения в алкоголе. Распространяемые же иными лихими историческими романистами бредни о том, что он пьяный и в солдатской форме расхаживал по Ялте, что его чуть ли не привязывали к седлу, чтобы он не свалился с лошади, — не более чем сказки. Но после полковых праздников у наследника, не отстававшего от соседей по застолью, не раз трещала голова и, как скромно писал он в дневниках: «Сегодня проснулся поздно...»

Завершиться образование должно было морским путешествием по Европе, Африке и Азии. Здесь-то и произошло курьезное событие, наделавшее так много шума в Европе и России. К началу 90-х гг. XIX в. на Дальнем Востоке все чаще и чаще начали сталкиваться интересы России, вышедшей к Охотскому морю почти за два века до этого и теперь расширявшей свое влияние на юг, и Японии, начинавшей поход со своих островов на азиатский материк. Напряжение росло, пресса в обоих государствах была в «большой национальный барабан», подогревала шовинистические чувства. В японском городе Оцу, куда высокопоставленный путешественник прибыл 29 апреля 1891 г., к нему подскочил ошалевший от «патриотического горения» полицейский и, желая разом разрешить все русско-японские противоречия, стукнул его самурайским мечом по голове. Рана оказалась несерьезной, но на всю жизнь внушила Николаю II ненависть к «желтолицым макакам», или «япошкам», как он стал именовать своих восточных соседей. А в России мальчишки с удовольствием горланили частушки, сочиненные острословом, сенатором Ону:

* Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1976. С. 47.

Происшествие в Оцу,
Вразуми царя с царицею!
Сладко ль матери, отцу,
Если сына бьет полиция?
А царевич Николай,
Когда царствовать придется,
Ты смотри не забывай,
Что полиция дерется!

Можно смело утверждать, что Николай II плохо был подготовлен к роли неограниченного самодержца. Образования он был ниже среднего, характера слабого, но упрямого, не терпел рядом с собой людей с сильной волей, зато охотно прислушивался к безответственным «шептунам», вертевшимся у трона. Мягкий человек, он часто не мог набраться храбрости сказать прямо в глаза человеку неприятные для него слова и часто мило прощался с министром «до следующего доклада», хорошо зная, что уже подписал указ о его увольнении от должности. Это создавало впечатление не только неискренности, но и открытого вероломства. Николаю II была в полной мере свойственна, пожалуй, самая отвратительная черта человека, облеченного неограниченной властью, — абсолютное безразличие к судьбам людей, которыми он должен «повелевать», бесчувствие к их нуждам и страданиям, граничащее просто с патологической жестокостью.

Не обладал Николай II и импозантностью, «царским величием», которое было свойственно его отцу. Невысокого роста, застенчивый, молчаливый и не улыбкающий, он был смешон и жалок, особенно в торжественных случаях. «Бледный утомленный заморыш, с большой императорской короной, нахлобученной до ушей, придавленный тяжелой парчовой, подбитой горностаем неуклюжею порфирию, Николай II казался не величественным императором всея Руси, — писал присутствовавший на коронации Ф. А. Головин, — не центром грандиозной процессии, состоявшей из бесчисленного числа всевозможных учреждений, классов, сословий, народностей громадного государства, а жалким провинциальным актером, в роли императора, ему не подходящей»*.

Вдобавок ко всему Николай II всю жизнь искренне тяготился властью, но и мысли не допускал о возможности хотя бы частично передать ее в чьи-то руки, отказавшись от неограниченного

* ЦГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

самодержавия. Он послушный сын, любящий муж и отец. Уже императором «всея Великая и Белая и Малая» Николай II, не любивший шумного Петербурга с его надоедливymi мини-страми и приемами, радостно записывает в дневнике: «Получил вчера телеграмму от милой Мама о том, что мы можем остаться тут (в Царском Селе. — *К. Ш.*) еще день»*. Но и бесспорная любовь к родителям, к отцу — какая-то бездушная, казенная, отдает холодом и безразличием. Молодость есть молодость. Ей часто не только трудно, но просто невозможно представить смерть, ее необратимость и бездонность. Молодость всегда весела и беспечна, но отнюдь не всегда равнодушна и бездумна. Отец, император Александр III, приговорен врачами к смерти и увезен умирать в Ливадию. Вся семья и ближайшие родичи рядом с ним. Что же пишет в дневниках его двадцатилетний наследник, знающий, что «дорогой Папа» обречен? За три недели до смерти отца он счел возможным отметить следующее знаменательное событие: «Утром после кофе, вместо прогулки, дрались с Ники каштанами, сначала перед домом, а кончили на крыше» (27 сентября 1894 г.). А через два дня вновь: «Опять дрался с Ники шишками на крыше» и только после этого важного события: «У дорогого Папа вид как будто лучше, но самочувствие скверное, по-прежнему — его все мутит и опухоль в ногах мешает движению ног» (29 сентября 1894 г.)**. В день смерти отца, 20 октября 1894 г., он искренне скорбит: «Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!»***. Но уже на следующий день утешение найдено, долго и глубоко печалиться он просто не в состоянии.

«21 октября. Пятница. И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час. в присутствии только семейства моя милая дорогая Алике (невеста, Александра Федоровна, переход которой в православие был давным-давно решен. — *К. Ш.*) была *миропомазана* и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Алике поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы! После завтрака была отслужена панихида, в 9 ч. вечера — другая!»****.

* ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. Л. 151. Запись от 26 ноября 1894 г.

** Там же. Л. 95.

*** Там же. Л. 115.

**** Там же. Л. 116–117.

А уже на следующий день он вообще не упоминает о «глубокой печали», его не занимают проблемы жизни и смерти, не заботит тяжесть порфиры и шапки Мономаха, свалившихся на плечи и голову, он весь поглощен другим. Первый и, кажется, последний раз в дневнике он упоминает о «брожении умов». Может быть, он размышляет о самодержавии, о конституционной монархии, о необходимых стране реформах. О, нет! Его волнует совсем другое!

«22 октября. Суббота... Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу: Мама́, некоторые другие и я находил, что всего лучше сделать ее здесь спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома (!); а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере после похорон. Это мне кажется совершенно неудобным! Днем ходили к морю — прибор был громадный. Погода потеплела и стала ясная»*.

Можно ли найти в истории другой подобный пример эмоциональной тупости? «Дорогой Папа́», едва остыв, лежит на первом этаже, а любящий сын и мысли не допускает о том, что свадьбу можно отложить, хотя бы на полгода, и готов пировать над трупом отца этажом выше! Три дня он не заходит в комнату к покойному отцу — ему «тяжело разрушить то дивное впечатление, которое осталось от первого дня! Днем катался с Алике, гуляли у берега моря Ориадне. Вечером сидел у нее» (24 октября 1894 г.)**.

По усопшему отцу происходят бесконечные панихиды. Какие же чувства вызывают они у любящего сына? Да никаких, кроме самых приятных! «В два часа все собрались к панихиде. Гулял в саду, воздух был теплый. Моя дорогая Алике приехала в 4 ч — только в это время, до и после чая, вижу ее наедине! После панихиды обедал с ней у себя в 9 ч — очень уютно (!)»***.

Стоит ли удивляться, что эта эмоциональная тупость в отношении близких и любимых людей обращается в кровавую жестокость, когда речь заходит о безликих и неведомых подданных «белого царя»? В день коронации в Москве 18 мая 1896 г. случилась знаменитая «Ходынка». Было задавлено около полутора тысяч человек (по официальным данным, 1389 погибли на месте, а 1300 получили тяжелые увечья). Вечером Николай II

* Там же. Л. 118.

** Там же. Л. 120.

*** Там же. Л. 131. Запись от 4 ноября 1894 г.

как ни в чем не бывало пирует на приеме у французского посла. В конце 1904 г. либералы организуют петиционную кампанию. По наущению попа Гапона рабочие Петербурга тоже решают подать своеобразную и чисто пролетарскую «петицию». Городские власти знают об этом и не препятствуют ее обсуждению на гапоновских собраниях. Военные тоже готовятся к встрече верного народа с обожаемым царем-батюшкой. Ежедневно с 7 января 1905 г. издаются «Диспозиции воинских частей». В них точно указывается, в каком месте города должна располагаться та или иная часть столичного гарнизона и войск, стянутых из ближайших городов*. Солдатам дают увеличенную норму боевых патронов. Готовится к воскресному шествию рабочих и сам царь-батюшка. 6 января 1905 г. он записывает в дневнике: «В 4 часа уехали в Царское. Погулял. Занимался. Обедали вдвоем и легли спать рано»**.

У легковверных обывателей всех времен и народов распространено убеждение, что в совершенных кровавых зверствах всегда виноваты местные власти, а не высшие ее эшелоны — цари, шахи или другие «добрые вожди». Были попытки оправдать «верховного вождя армии» в том, что он якобы не причастен к расстрелу 9 января. Эта нелепость не требует опровержений, но все же сопоставим дневниковые записи трех разных лиц. Накануне отъезда в Царское Село, 4 января 1905 г., Николай II записал в дневнике: «Вышел гулять в 4 ¼. После чая за докладом Мирского имел с ним крупный разговор. Обедал Соловой (деж[урный])»***. О чем был этот «крупный разговор», царь, как всегда, не счел нужным упомянуть. Но суть его мы можем узнать точно. Дело в том, что министр внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирский всегда делился с женой своими служебными горестями и радостями, а последняя тоже регулярно вела дневник. Святополк-Мирский видел, что «Россия обратилась в бочку пороха» и доведена «до вулканического состояния»****, а чтобы выйти из этого положения, надо дать стране реформы. Николай II

* Начало первой русской революции. Документы и материалы. М., 1955. С. 7.

** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 70.

*** Там же. Л. 68.

**** ЦГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5064. Л. 22. Письмо Святополк-Мирского Д. С. Шереметеву в ноябре 1904 г.

считал иначе. Над его самодержавным тронem, как над вратами ада у Данте, впору было повесить объявление: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Увидев, что предлагаемая им политика не пользуется поддержкой царя, Святополк-Мирский с ноября 1904 г. неоднократно просился в отставку. Завел разговор об этом и 4 января 1905 г., ссылаясь на шумную банкетную кампанию, только что проведенную либералами. В 34 городах России прошло более 120 собраний, на которых побывало около 50 тыс. человек. Все они требовали политических свобод и представительного учреждения. Николай II заявил, что никакие реформы стране не нужны, но «нужно запретить собираться и говорить». Мирский спросил: «Как же запретить людям собираться и говорить, тогда нужно всех запереть, объявить осадное положение», на что самодержец спокойно ответил: «Ну что же, может быть, и придется объявить»*. Как видим, решение об осадном положении было принято не без ведома императора. О готовящемся расстреле знали все. И не только в Петербурге, где делегация демократической интеллигенции накануне расстрела встречалась с С. Ю. Витте и другими высшими чиновниками, хладнокровно, с ведома царя готовившими воскресную бойню**. Об этом знали даже в далеком Париже, где член «Союза освобождения», умная и дальновидная А. В. Тыркова 8 января записывала в дневнике, что она знает о предстоящей на следующий день манифестации рабочих и о возможных последствиях ее, волнуется и ждет — что-то будет? «Как подошел этот давно жданный и все-таки жуткий революционный год?» — кончала она свою субботнюю запись в дневнике***.

Возвратимся, однако, к дневнику царя. «9 января. Воскресенье. Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых». Итак — несколько тысяч людей было убито и ранено только за то, что они, по словам самого дара, желали дойти до Зимнего дворца! «Господи, как больно и тяжело! —

* Святополк-Мирская Е. А. Дневник. Запись от 5 января 1905 г. // Исторические записки. М., 1965. Т. 77. С. 271.

** См.: Горький М. Собр. соч.: в 18 т. М., 1963. Т. 18. С. 233.

*** ЦГАОР. Ф. 629 (Личный фонд А. В. Тырковой). Оп. 1. Д. 16. Л. 8. Запись от 8 января 1905 г.

оценивал итоги выполнения своих распоряжений Николай II, а далее без всякого перехода продолжал: — Мама́ приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама́ осталась у нас на ночь»*. Как видим, в «кровавое воскресенье» царь горевал недолго, а на другой день и совсем утешился: бочонок черной икры, подаренный уральскими казаками, занимал его куда больше, чем то, что произошло в день, с которого началась первая народная революция в России — генеральная репетиция 1917 г., лишившая бездушного императора трона, а в конце концов и всю его семью самой жизни. «10 января. Понедельник. Сегодня особых происшествий в городе не было. Были доклады. Завтракал дядя Алексей. Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрой. Гулял. Пили чай у Мама́. Для объединения действий по прекращению беспорядков в Петербурге решил назначить ген.-м. Трепова генерал-губернатором столицы и губернии. Вечером у меня состоялось совещание по этому поводу с ним, Мирским и Гессе»**. Вот так вот: сначала велел расстрелять колонны рабочих, идущих с хоругвями и пением «Боже! Царя храни!» на встречу с батюшкой-царем, а потом устроил совещание «по прекращению беспорядков»!

По-людски можно даже пожалеть этого несчастного человека, лишенного умения широко, по-государственному мыслить, явно тяготившегося властью, крайне застенчивого (особенно в первые годы царствования). В дневнике постоянно встречаются указания на это. «31 октября [1894 г.]. Понедельник. Утром встал с эмоциями (!), так как в 9¼, идя с мама в Арханг[ельский] соб[ор] через залы, должен был сказать несколько слов собравшимся сословиям в Георг[иевском] зале. Это сошло, слава Богу, благополучно»***. «Пришлось опять говорить» (на сей раз в Государственном совете, запись от 2 ноября того же года). Через день снова: «В 3½ часа принимал всю свиту, опять пришлось сказать несколько слов»****. Еще через день, 4 ноября 1894 г., он впервые в качестве императора принимает доклады двух важнейших министров — финансов и иностранных дел. Что же осталось в дневнике от этой принципиально важной встречи?

* ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 71–72.

** Там же. Л. 72.

*** Там же. Д. 233. Л. 125.

**** Там же. Л. 128.

А вот что: «Имел два доклада: Н. К. Гирса и Витте. Вследствие этого опоздал к завтраку»*. Вот все, что узнает историк о первой встрече императора с руководителем внешней политики и экономической жизни страны! То же продолжается и в другие дни: «Отвечать приходится на всякую всячину вопросов — так что совсем теряешься и столку (написано вместе. — К. Ш.) сбиваешься! Погулял в саду. Моя Алике приехала» (запись от 9 ноября 1894 г.)**.

Подобные записи — не редкость не только в первые дни его царствования, но и во все последующие годы. «С утра жизнь вошла в обычную колею. Радостно было увидеть детей, но не министров» (запись 12 июля 1905 г.***). А вот последние записи о приемах «всеподданнейших докладов» в 1917 г., докладов, происходивших уже в Ставке в ходе Февральской революции. «25 февраля. Суббота. Встал поздно. Доклад продолжался полтора часа. В 2 заехал в монастырь и приложился к иконе Божьей Матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч вечера пошел ко всенощной. Весь вечер занимался.

26 февраля. Воскресенье. В 10 часов пошел к обедне. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Алике и поехал по Бобр[уйскому] шоссе к часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сен[атора] Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино»****.

В первый год царствования, 31 декабря 1894 г., он подводит ему такой итог: «Читал до 7½, когда пошли к молебну. Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, кот[орая] случилась в этом году. Но уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год, потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь! Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня также и счастьем, о каком я не мог даже мечтать, — дав мне Алике»*****.

Итак, самодержавного царствования он «боялся всю жизнь». Это — «непоправимое горе», месяц, проведенный в конститу-

* Там же. Л. 131.

** Там же. Л. 137.

*** Там же. Д. 248. Л. 181.

**** Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 136.

***** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. Л. 177.

ционной Англии, он считает «месяцем райского блаженного жития»*. Государственные дела для него настолько неинтересны и утомительны, что он не читает «всеподданнейших докладов» даже председателя Совета министров, охотно поручая это другим. «Трепов [Д. Ф.] для меня незаменимый своего рода секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах**. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно: это, конечно, секрет для всех!» — пишет он матери***. Но это был секрет полишинеля, о котором знали все, что и поведал миру в своих «Воспоминаниях» автор «толстых записок» С. Ю. Витте.

Зачем же отличному семьянину, лично выбирающему занавески для окон в жилых комнатах Зимнего дворца, ковры, обои****, — зачем ему неограниченное самодержавие? Ведь он совершенно искренне пишет: «Каждый день, что проходит, я благословляю Господа и благодарю Его от глубины души за то счастье, каким Он меня наградил! Большого или лучшего благополучия на этой земле человек не вправе желать. Моя любовь и почитание к дорогой Алике растет постоянно!» (запись 24 ноября 1894 г.).

Первую половину ответа на этот вопрос мы дали ранее — самодержавный режим он искренне считал чисто семейным делом и был уверен, что «дорогому бэби» (как называют царь с царицей долгожданного наследника Алексея — пятого ребенка в семье после четырех дочерей) он должен передать всю полноту власти, полученной от «дорогого папа». А вторую часть ответа мы узнаем из дневников княгини О. Н. Трубецкой, записавшей разговор, состоявшийся между ее старшим братом, московским губернским предводителем дворянства кн. П. Н. Трубецким, и царем

* Там же. Л. 15. Запись от 11 июля 1894 г.

** Отлично знавший Трепова один из коллег по кабинету характеризовал этого «опытного, умного, незаменимого» секретаря так: «...вахмистр по воспитанию и погромщик по убеждению», а С. Ю. Витте добавлял: «Трепов был “вахмистр по воспитанию”. Это верно, и в этом заключалась его беда и беда России. Когда он учился в пажееском корпусе, вероятно, в своей жизни не прочел толково ни одной серьезной книги, все его образование и воспитание в конногвардейских казармах и офицерском собрании...» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 350–351). И этого-то вахмистра и погромщика царь сделал своим тайным советником!

*** Красный архив. 1927. № 1 (20). С. 136.

**** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233. Л. 151.

в середине декабря 1904 г. Николай II заявил, что вопрос о возможности введения конституции в России он ставил перед собой не раз, «душой переболел над ним» и пришел к такому выводу: «Не для меня, конечно, не для меня — для России я признал, что конституция привела бы сейчас страну в такое положение, как Австрию. При малой культурности народа, при наших окраинах, еврейском вопросе и т. д. одно самодержавие может спасти Россию. Притом мужик конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда — я вас поздравляю, господа»*. Как видим, Николаем II была воспринята от своего воспитателя К. П. Победоносцева «стройная теория», которая, не избавляя его от бремени власти, оправдывала все то коварство, ту жестокость и тот фатализм, которые мало отразились в дневниках, но ярко проявились в судорожной хватке за самодержавный трон.

Десятки лет в советской исторической науке считалось не только «дурным тоном», но и чуть ли не антинаучным говорить о роли личности в истории, о влиянии ее на тот или иной ход исторического процесса. Проанализируем с помощью сопоставления дневниковых записей последнего российского самодержца с другими документами, какое влияние оказывал он на внутреннюю политику, и не было ли случая, когда в вопросе о реформах (пусть и самых мизерных!) царь шел наперекор всем министрам и секретным, но влиятельным совещаниям? Мы уже упоминали о банкетной кампании либералов перед началом первой революции, когда в двух легальных газетах, созданных специально для этого «Союзом освобождения», появились десятки резолюций различных собраний с требованиями политических свобод и конституции. Первый номер большевистской газеты «Вперед» в начале января 1905 г. вышел с передовицей В. И. Ленина. В ней писалось: «Россия переживает новую волну конституционного движения. Современное поколение не видело еще ничего подобного теперешнему политическому оживлению. Легальные газеты громят бюрократию, требуют участия представителей народа в государственном управлении, настойчиво заявляют о необходимости либеральных реформ. Всевозможные собрания земцев, врачей, юристов, инженеров, сельских хозяев, городских гласных и пр., и пр. выносят резолюции, более или менее ясно высказывающиеся за конституцию. Всюду слышатся необычайно смелые,

* ЦГАЛИ. Ф. 503. Оп. 1. Д. 22. Л. 9. Запись от 8 декабря 1904 г.

с точки зрения русского обывателя, политические обличения и страстные речи о свободе»*. Правительство не могло остаться равнодушным ко всему происходящему, и Мирский в ноябре-декабре 1904 г. вместе с другими влиятельнейшими сановниками решительно настаивает на проведении необходимых с их точки зрения реформ. Что же важного по этому поводу заносит царь в свои дневники? 11 ноября 1904 г. после перечисления убитых фазанов, зайцев и упоминания, кто с ним пил чай, — одну фразу: «Принял доклад Мирского»**. Еще через неделю: «Я убил двух хороших лосей на месте. Димка Голицын большого быка. Вернулись в Царское ровно в 4 часа. После чая принял Мирского»***. Надоедливый Мирский и его единомышленники упорно гнут свою линию и грозят отставкой. 21 ноября Николай II записал в дневнике: «Гулял. Получил сразу две просьбы об увольнении от должности — от Муравьева и Мирского. Второе меня очень рассердило. Читал. Вечер провели вчетвером»****. Что же рассердило обычно спокойного и равнодушного царя? Это мы можем узнать из другого дневника, который вела жена министра внутренних дел. Потребовав отставки, Мирский заявил за полтора месяца до начала революции: «Если не сделать либеральные реформы и не удовлетворить вполне естественные желания всех, то перемены будут и уже в виде революции». Развивая далее свои мысли, он продолжал: «Разве у нас теперь законность существует? Что-нибудь не нравится министру — он бежит к вам и выхватывает высочайшее повеление, не заботясь, хорошо это или дурно, а просто потому, что ему так нравится. А Москва теперь вне закона (в Москве генерал-губернатор был дядя царя, крайний реакционер вел. кн. Сергей Александрович. — *К. Ш.*), для Москвы теперь исключительные законы пишутся, она вне империи. Кроме того, должна быть уверенность у каждого человека, что его какой-нибудь губернатор не может взять и сослать в Пермь или Сибирь». Когда Мирский заявил, что уже со вступления Николая II на престол все жаждут либерального царствования, то в ответ услышал: «Отчего могли думать, что я буду либералом? Я терпеть не могу этого слова». Заявив, что «перемены хотят толь-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 126.

** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 34.

*** Там же. Л. 38.

**** Там же. Л. 48.

ко интеллигенты, а народ этого не хочет»*, царь все же не принял отставку министра. «Несчастный человек! — комментировала поведение царя Мирская. — Я его ненавидела прежде, но теперь жалею. Тип немощного вырождения, вбили в голову, что он должен быть тверд, а хуже нет, как когда слабый человек хочет быть твердым. И кто это имеет такое дурное влияние? Кажется, Александра Федоровна (“дорогая Алике” — жена Николая II. — *К. Ш.*) думает, что так нужно. Мария Федоровна (мать царя. — *К. Ш.*) другого мнения, она Пепке (так жена называла в дневниках своего мужа, Петра. — *К. Ш.*) сказала: “Эти свиньи заставляют моего сына делать бог знает что, говорят, что мой муж этого хотел”. Но кто эти свиньи?»**. Сохранившаяся за годы Первой мировой войны переписка Николая II с «дорогой Алике» подтверждает правильность предположений княгини Е. А. Мирской. «Россия любит кнут!» — убеждает бывшая немецкая принцесса незадачливого русского царя. «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех!»***.

Судя по всему, именно в это время Святополк-Мирский подключает «тяжелую артиллерию» — императрицу Марию Федоровну, под давлением которой он и был назначен на министерский пост**** после того, как эсеровская бомба оборвала жизнь В. К. Плеве, которого даже коллеги-министры называли не иначе, как «подлецом» и «бессовестным полицейским»*****. 22 ноября 1904 г. царь записал в дневнике: «Имел обычные доклады. Дядя Алексей завтракал. Принял Мирского, с которым объяснился. В 4¼ поехал в Гатчину поздравить Мама с днем рождения Миши. Долго разговаривал с нею^{6*}. Аликс и Элла приехали к обеду. Вернулись вдвоем в Царское. Началась оттепель»^{7*}.

* *Святополк-Мирская Е. А. Дневник // Исторические записки. Т. 77. С. 259.*

** Там же. С. 248.

*** Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917. М., 1927. Т. V. С. 185, 189.

**** Подробнее см.: *Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 271.*

***** *Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 36.*

^{6*} Не во время ли этого «долгого разговора» дальновидная Мария Федоровна, сочувствовавшая требованиям земских либералов и поддержавшая либеральных министров типа Мирского, пригрозила строптивому сыну, что если он не пойдет на уступки, то она уедет в Данию и «пусть Вам без меня сворачивают голову» (см.: *Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 306*).

^{7*} ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 40.

Еще после одной встречи с царем (30 ноября 1904 г.) Мирскому удалось настоять на созыве специального совещания для обсуждения решения земского съезда 6–9 ноября 1904 г. (земцы потребовали введения политических свобод, амнистии политическим заключенным и введения представительного учреждения, причем большинство из них высказалось за то, чтобы оно имело законодательный, а не законосовещательный характер* и своего объемистого «Всеподданнейшего доклада о необходимости реформ государственных и земских учреждений и законодательства», который он подписал 24 ноября 1904 г.** Главная мысль его состояла во введении в состав государственного строя выборных представителей от общественных учреждений (губернских земств), укреплении государственной законности, сломе крестьянской общины и смягчении полицейских строгостей.

В царском дневнике появились новые записи, из которых мало что поймешь, не зная сути дела по другим источникам. «2 декабря. Четверг. Немного погулял. В 11 часов в новом кабинете у меня происходило совещание о мерах, которые надлежит принять, чтобы прекратить смуту последних месяцев. Завтракал Миша (деж[урный]), кот[орый] тоже присутствовал. Заседание продолжалось с 2½ до 4½. Тетя Ольга приехала к чаю проститься перед отъездом в Грецию, Минни и Георгий тоже пили чай. Обедали: Миша, Милица и Соня Ден. Вечером еще занимался»***. Как обычно, из дневниковой записи царя мы узнаем, кто обедал и пил чай, но то, о чем речь шла на совещании, Николая II не очень волновало!

О том, что происходило на совещании, мы можем узнать из воспоминаний С. Ю. Витте. Спор развернулся вокруг третьего параграфа проекта царского манифеста, в котором речь шла о возможности «привлечения местных общественных учреждений и выбранных ими из своей среды лиц к участию в разработке законодательных предначертаний наших до рассмотрения их Государственным советом»****. На совещании присутствовали столпы царской бюрократии, верная опора трона, и тем знаменательнее, что все они признали необходимость «удовлетворения умеренного

* Земский съезд 6-го и сл. ноября 1904 г. Краткий отчет. СПб., 1905.

** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–109.

*** Там же. Д. 248. Л. 46.

**** ЦГИА. Ф. 727. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Проект царского манифеста.

и благоразумного общества» (т. е. либеральных требований). «Мне пришлось говорить первому, — вспоминал председатель кабинета министров Витте, — я высказал свое решительное мнение, что вести прежнюю политику реакции совершенно невозможно, что это приведет нас к гибели. Меня поддержали: граф Сольский, Фриш, Алексей Сергеевич Ермолов, Николай Валерианович Муравьев и Владимир Николаевич Коковцев»* (т. е. председатель Государственного совета, министр земледелия и государственных имуществ — также член Государственного совета; министр юстиции, министр финансов). Последний заявил, в частности, что проводимая реакционная внутренняя политика ведет к потере доверия в заграничных финансовых кругах, а это может вызвать полный крах всей финансовой системы, испытывавшей крайнее напряжение из-за неудачной войны с Японией.

Против введения в Государственный совет представителей от земств выступал только обер-прокурор Синода, член Государственного совета К. П. Победоносцев, как всегда долго и нудно развивавший свою «глубокую» мысль о том, что любые реформы вредны, ибо в России «самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер, и государь не вправе ограничивать свою миссию, возложенную Божественным промыслом»**. Николай II был полностью согласен с Победоносцевым, но все остальные сановники оказались не на их стороне. Тогда царь решил созвать еще одно заседание, на которое пригласил в помощь великих князей. «Было очевидно, — вспоминал директор Департамента полиции А. А. Лопухин, — что они приглашены вследствие создавшейся в первом заседании недостаточности для провала проекта Мирского сил одного Победоносцева»***.

Действительно, пунктуальный Николай II записал в дневнике: «8 декабря. Среда. Утром погулял с д[ядей] Сергеем. В 11 час. у меня началось второе заседание — продолжение первого. Кроме тех же присутствовали: дяди Владимир, Алексей, Сергей, Фредерикс и бар[он] Нольде (управляющий делами Комитета министров. — К. Ш.). Читался и обсуждался проект сообщения и указа Сенату, при этом видоизменялась редакция. Был сделан

* Витте С. Ю. Указ. соч. С. 327.

** Полнер С. Т. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Париж, 1932. С. 99.

*** Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М., 1923. С. 50.

перерыв для завтрака. Потом сидели с 2 ½ до 3 ½. Погулял в темноте. Обедали втроем, так как Элла уехала в Москву»*.

Однако и это совещание сохранило главный пункт указа — о создании при Государственном совете выборного совещательного органа из представителей местного самоуправления и высказалось за необходимость проведения некоторых других, более мелких реформ, предлагавшихся Мирским в своей записке. «Было решено, — вспоминал Витте, — что все эти вопросы должны быть рассмотрены в Комитете министров, что Комитет министров должен дать направление всем этим преобразованиям и по мере обсуждения вопросов в случае необходимости испрашивать высочайших указаний. Это совещание окрылило дух присутствующих; все, по-видимому, были взволнованы мыслью о новом направлении государственного строительства и государственной жизни, которую Его Величеству благоугодно дать России. Престарелый граф Сольский в конце заседания обратился к Его Величеству от имени присутствующих с прочувствованными словами о той благодарности, которую питают все присутствующие и которую, несомненно, разделяет и вся Россия к почину государя императора. Вся эта сцена была столь трогательна, что некоторые из членов, а именно князь Хилков, министр путей сообщения и Алексей Сергеевич Ермолов расплакались»**.

Итак, седые бюрократы плакали и благодарили царя, что наконец-то он «уразумел» и встал на путь, который, по их мнению, мог спасти страну от социальных катаклизмов — путь постепенных мелких, но последовательно проводимых реформ. Но они плохо знали своего повелителя. Угрюмо молчавший Николай II добровольно не хотел отдавать неограниченное самодержавие — свое «святая святых» — ни при каких обстоятельствах. Через три дня, 11 декабря 1904 г., в его дневнике появляется новая запись: «После чая принял Витте при д[яде] Сергее по вопросу об указе и некоторой в нем перемене. Обедали втроем»***. Видимо, тогда-то Николай II и вычеркнул собственноручно злополучный параграф 3 Указа о введении выборных в Государственный совет****, а без него все остальные «уступочки» были такой мелочью,

* ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 51–52.

** *Витте С. Ю.* Указ. соч. С. 332–333.

*** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 50.

**** ЦГИА СССР. Ф. 727. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

ради которой и не стоило портить бумаги, тем более, что все это (соблюдение законности, веротерпимость, ограничение произвола бюрократии и т. д. и т. п.) обещалось российскими монархами уж по меньшей мере не один десяток лет! Двудличный характер Николая II, молча слушавшего и возражавшего против одного, говорившего другое, а думавшего третье, проявился в этом, как и в целом ряде других случаев с предельной четкостью.

14 декабря 1904 г. жена Святополк-Мирского записала в дневнике: «Сегодня появился указ. Мне хотелось плакать, когда я читала. Когда подумаешь, чем бы это могло быть, досадно до боли. Но что же можно с таким человеком поделать? Всех своих министров в дураках оставил, потихоньку от них меняет то, что сообща решили»*. Разумеется, можно по-разному оценивать, что получилось бы, удовлетвори царь требования земского меньшинства, поддержанное всеми министрами и даже частью великих князей, а не вычеркни его единолично. Но факты однозначно свидетельствуют, с одной стороны, о том, что существовали реальные альтернативы тому реакционному курсу, который упорно проводил царь, а с другой — о его коварстве, упрямстве и политической недалекости, сознательном желании не видеть в жизни того, что ему не хочется видеть, любви к «страусиной политике», последовательно проводившейся им все годы царствования.

Но историю не перехитришь! И не расстреляешь назревшие в обществе потребности солдатскими залпами. «Конституционное оживление в обществе», по словам В. И. Ленина, помогло расширению рабочего движения**. «Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д. Напомним, — добавлял Ленин, — что земская кампания и петиции либералов 1904 года были предтечей такой своеобразной и чисто пролетарской “петиции”, как 9 января»***.

* *Святополк-Мирская Е. А.* Указ. соч. С. 226.

** *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 175.

*** Там же. Т. 17. С. 280.

Однако если с требованием либеральной общественности, несмотря даже на поддержку ее своими министрами, можно было не считаться, то с десятками тысяч рабочих, заранее объявивших о том, что они в воскресенье 9 января пойдут на встречу с «батюшкой-царем», чтобы просить его улучшить экономическое их положение и дать политические свободы, надо было что-то делать. Что — мы видели раньше. За 5 дней до кровавого побоища царь объявляет Мирскому о негласном введении осадного положения, 6 января уезжает «от греха подальше» из столицы в Царское Село, а со следующего дня на улицы и площади Петербурга выводят солдат, которые утром и днем 9-го расстреливают мирное шествие рабочих, вышедших во главе со священником Гапоном на демонстрацию с хоругвями, портретами царя и царицы, с пением псалмов и «Боже! Царя храни!».

Однако результат был совсем не таким, на который рассчитывал Николай II, полагавшийся, как все слабовольные люди, больше всего на силу кулака. Во вторую половину 9 января началась первая российская революция. Возмущенные царским приемом рабочие заявили: «У нас нет больше царя!» Шло строительство баррикад на Васильевском острове, Петроградской стороне. Даже главная улица российской столицы — Невский проспект — была перегорожена у Казанского собора стаченными отовсюду скамейками, газетными тумбами. День ото дня росло число бастовавших, и не только в Петербурге, но и почти во всех промышленных районах страны началось крестьянское движение, все больше и больше набравшее силу.

Около 5 тыс. убитых и раненых мужчин, женщин и детей, вспыхнувшая вслед за этим злодеянием революция были той страшной ценой, которую заплатили народы России за глупость самодержца, не желавшего давать стране необходимые реформы. Но даже этот упрямый человек, больше всего веривший в силу кулака, пришел к выводу, что поневоле не обойтись и без «мягкости». Уже при первом разговоре с вновь испеченным генерал-губернатором С.-Петербурга А. Ф. Треповым царь заявил, что признал «крайне необходимым теперь же, рядом с мерами строгости, дать почувствовать доброй и спокойной массе рабочего люда справедливое и заботливое отношение правительства». У царских сановников родилась бредовая идея — «возродить обаяние царского имени», для чего было решено устроить не состоявшуюся 9 января встречу «царя с народом». Участковые

получили от Трепова приказ отобрать вместе с хозяевами заводов «благонадежных рабочих», придать им «благородный» вид и представить эту «рабочую» депутацию царю. 19 января эта встреча состоялась. Характерно, в какой последовательности пишет о ней в дневнике царь: «Принял трех раненых ниж[них] чин[ов], которым дал знаки отличия Воен[ного] Ордена. Затем принял депутацию рабочих от больших фабрик и заводов Петербурга, которым сказал несколько слов по поводу последних беспорядков... Вечером пришлось долго читать; от всего этого окончательно ослаб головою»*. Бедный царь! Он все еще считал, что в стране всего-навсего «беспорядки», которые можно потушить тремя орденами карателям и 50 тыс. руб., великодушно пожертвованными для раздачи вдовам и сиротам убитых рабочих! Приняты были и «организационные» меры: созданы «Комиссия для выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем» под председательством сенатора Н. В. Шидловского, в которую пригласили и выборных представителей рабочих. Но рабочие, используя «выборные» собрания для выдвижения политических требований, отказались участвовать в работе этой комиссии и еще более развернули революционную борьбу. По неволе приходилось делать еще одну махонькую уступку — дать то, в чем было отказано всего 2 месяца тому назад! Потребовался всего один месяц революции, чтобы удовлетворить сорокалетние просьбы земцев об «увенчании здания». 18 февраля 1905 г. Николай II заносит в дневник: «У меня происходило заседание Совета министров. Подписал рескрипт на имя Булыгина относительно разработки способа созыва местных представителей для участия в рассмотрении законопроектов, вносимых в Гос. Совет. Дай Бог, чтобы эта важная мера принесла России пользу и преуспевание»**.

Но, как всегда, даже в личных дневниковых записях, не предназначенных для чужого глаза, царь неискренен, лукав и пишет полуправду. А правда в том, что 18 февраля было принято сразу три взаимоисключающих решения: утром с амвонов всех церквей огласили царский манифест, в котором Николай II грозил решительным искоренением крамолы, призывал к борьбе с внутренними врагами, помышляющими «разрушить существую-

* ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 77.

** Там же. Л. 93.

щий государственный строй и вместо него учредить управление страной на началах, отечеству нашему не свойственных». Царь потребовал от всех чиновников «усугубить бдительность по охране закона, порядка и безопасности». Заканчивался манифест призывом вознести молитвы «к вящему укреплению истинного самодержавия»*.

Днем того же дня был опубликован указ Сенату противоположного содержания: частным лицам и организациям разрешалось подавать в Совет министров на имя царя предложения об усовершенствовании «государственного благоустройства». Стремление к реформам расценивалось уже не в качестве смуты и «покушения на устои», как провозглашалось в манифесте, а как «похвальное радение об общей пользе и нуждах государственных».

На упоминаемом в дневнике царя 18 февраля совещании обстановка была гнетущей, сановники говорили о беспорядках и необходимости каких-либо уступок «благomyслящей части общества». Можно подумать, что вы боитесь революции», — мрачно буркнул царь, упорно считавший, что в стране всего-навсего «беспорядки». «Государь, — со вздохом ответил министр внутренних дел Булыгин, — революция уже началась»**. Затем он предложил Николаю II подписать заранее подготовленный рескрипт (официальное обращение) на имя министра внутренних дел о созыве особого совещания для выработки условий создания при царе законодательного органа из «достоинейших, доверием народа облеченных» избранных от населения людей для предварительной разработки законодательных предложений при «непременном сохранении незыблемости основных законов империи»***. Т. е. самодержавия. Под давлением революции царь на этот раз подписал то, что не смогли заставить его сделать министры за два месяца до этого.

Как часто бывало с Николаем II, он не видел и не понимал, что принимает противоречивые решения и пытается сразу усесться на несколько стульев: указ разрешал участвовать в обсуждении «государственного благоустройства» всем подданным императора, рескрипт говорил лишь об избранных. Угрозы манифеста ней-

* Спутник избирателя за 1906 год. СПб., 1906. С. 239–240.

** Цит. по: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 58.

*** Спутник избирателя за 1906 г. С. 241.

трализовались рескриптом, а надежды, которые он мог породить среди легковерных, подрывались манифестом. Повторяя слова Пушкина, сказанные о прадеде царя, Александре I, и о Николае II с полным основанием можно сказать: «Таков уж был сей властелин, к противоречиям привыкший, в душе и мыслях — арлекин».

Кстати, на схожесть характеров прадеда и правнука обратили внимание и современники. Так, уже неоднократно цитировавшийся Ф. А. Головин в своих воспоминаниях о царе писал: «Хитрый, двуличный, трусливый государь ведет эту свою извилистую политическую линию вполне сознательно, но по свойству своего характера старается всегда замаскировать свое авторство и руководство в правительственных безобразиях наивным своим видом безответственного агнца, притворной жертвы влиятельных посторонних темных сил, окружающих царя. Николай II копия, правда, весьма посредственная, даже жалкая, Александра I»*.

Сближала Николая II и Александра I и другая особенность характера: какой-то мистический фатализм. В последний день года, в который он стал императором, 31 декабря 1894 г., царь записывает в дневнике: «...уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год». На другой день после подписания, по его словам, «важной меры» — манифеста на имя Булыгина за традиционным перечислением лиц, которые с ним обедали и завтракали, и столь же традиционного фиксирования погоды, отмечается только одно событие: «Гулял и убил четыре вороны»**. Кровавая Ходынка «объясняется» так: «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех»***. Вопрос о чьей-либо ответственности за этот «грех» даже не возникает — все в руке божьей! Разгром и потеря всего флота в Цусимском проливе для него не катастрофа, не окончательная потеря всех надежд на успешный исход Прусско-японской войны, а всего-навсего «неудачный бой» (запись в дневнике от 17 мая 1905 г.). Телеграмму о цусимском поражении Николай II получил в поезде. С мрачными лицами свита окружила царя. «Вошли поодиночке, сели молча. Никто не решался заговорить о зловещей телеграмме. Молчание было прервано царем. Он заговорил о бывших в тот день смотрях войск

* ЦГИА. Ф. 625. Оп. 1. Д. 12. Л. 57; см. также: Красный архив. 1926. № 6 (19). С. 110–149.

** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 94.

*** Там же. Д. 236. Л. 14. Запись от 18 мая 1896 г.

и других незначительных событиях. В течение часа ни одного слова о Цусиме не было упомянуто. Вся свита была ошеломлена безучастием императора по такому несчастью»*. Несколько эмоциональнее отозвался о том же событии крайний монархист Б. В. Никольский: «Конец, конец, конец, — писал он в дневнике 19 мая 1905 г., — чудес не бывает. Конец той России, которой я служил, которую любил, в которую верил. Конец не навсегда, но мне уже не видеть ее возрождения: надолго ночь. Агония может еще продлиться, но что пользы»**.

Дневниковую запись об убийстве своего любимого дяди (и ближайшего родственника, женатого на родной сестре царицы), великого князя Сергея Александровича, Николай II начинает с упоминания о том, что завтракал и обедал с принцем Фридрихом Леопольдом, а кончает: «Несчастливая Россия, благослови и помоги ей Господь»***. К господу богу он обращается каждый раз, когда надо объяснить очередной провал во внешней или внутренней политике, поражения в беспечно спровоцированной покровительствуемым царем безобразовским кружком Русско-японской войне. Сдан Порт-Артур — «На то, значит, воля божья!»****.

Новый 1905 год, когда даже слепому было видно, что Россия накануне серьезнейших социальных катаклизмов, открывается записью 1 января: «Да благословит Господь наступивший год, да дарует он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое безмолвное житие». Все свои самодержавные права он передал господу богу, на него возложил всю ответственность, а свою личную энергию направил только на одно — на сохранение самодержавия, причем предпочтительно — неограниченного, при котором даже куцей и бесправной, но законодательной Думе не оставалось места.

Но обойтись одной законосовещательной Думой, обещанной рескриптом на имя Булыгина, не удалось. Революция ширилась и углублялась. Первое известие о восстании на «Потемкине» царь называет «ошеломляющим» и кончает дневниковую запись растерянной фразой: «Просто не верится!» (15 июня 1905 г.). Но, узнав,

* Мосолов А. А. При дворе императора. Рига, 1926. С. 125.

** Дневник Бориса Никольского // Красный архив. 1934. № 2 (63).

*** ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248. Л. 94.

**** Там же. Л. 59.

что к «Потемкину» примкнули и другие корабли Черноморского флота, он опять уповает на судьбу, впрочем, заранее определив, что ждет мятежников после победы над ними: «Лишь бы удалось удержать в повиновении остальные команды эскадры! За то надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников» (запись 20 июня 1905 г.). И опять ему в этом благом деле должен помочь господь бог! (запись 23 июля 1905 г.).

Но бог явно не хотел помогать Николаю. С осени 1905 г. начался подъем революции. Такой поворот событий насмерть перепугал Николая II и его двор, где царили в те дни, по свидетельству хорошо информированного графа С. Ю. Витте, «сплетение трусости, слепоты, коварства и глупости»*. Придворные горько сетовали: «...жаль, что у их величеств пятеро детей... так как на днях придется покинуть Петергоф, чтобы искать пристанища за границей, то дети будут служить большим препятствием»**. Отнюдь не случайно в период всеобщей октябрьской стачки 1905 г. Николай II 11 октября делает запись в дневнике: «Посетил лодку (подводную. — *К. Ш.*) “Ерш”, кот[орая] уже пятый месяц (т. е. с восстания на “Потемкине”. — *К. Ш.*) торчит против наших окон!» Через 10 дней он принимает командиров только что прибывших двух немецких миноносцев. Еще через два дня — командиров двух других. Как видим, определенные меры для того, чтобы в разгар всеобщей железнодорожной забастовки удрать с семьей к своим кузенам — германскому императору Вильгельму II или английскому королю Эдуарду VII, были заранее предприняты. Насколько было бы лучше и для Николая II, и для всей его семьи, и главное — для России, если бы он вовремя отрекся от престола и уехал частным лицом за границу! Не было бы ни трагедии в доме купца Ипатьева в Екатеринбурге, ни двух с лишним миллионов других эмигрантов, оказавшихся за пределами своей отчизны после гражданской войны!

Но сил у народа для такого исхода событий в 1905 г. не хватило. Наступило неустойчивое равновесие, когда нельзя было определить, в какую сторону склонится чаша весов. Царь начал бесконечные совещания со своими министрами. Как быть? Что делать? Самый опытный из царских бюрократов, С. Ю. Витте, предложил на выбор два варианта: «1) Облечь неограниченной

* *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1962. Т. 3. С. 41.

** Там же. С. 37–38.

диктаторской властью доверенное лицо, дабы энергично и бесповоротно в самом корне подавить всякий признак проявления какого-либо противодействия правительству, — хотя бы ценою массового пролития крови...» или «2) Перейти на почву уступок общественному мнению и предназначать будущему комитету указания вступить на конституционный путь»*.

Николаю II был по душе, конечно же, первый вариант, но возникал вопрос: кого же назначить диктатором? Трепов «диктаторствовал» уже с 11 января 1905 г. и надежд не оправдал. Выбор пал на дядю царя, великого князя Николая Николаевича («Николашу»). «Сказать, чтобы он был умалишенный — нельзя, чтобы он был ненормальный в обыкновенном смысле этого слова — тоже нельзя, но сказать, чтобы он был здоров в уме — тоже нельзя; он был тронут...» — такую убийственную характеристику дал кандидату в диктаторы отлично знавший его С. Ю. Витте**.

Однако даже у этого «тронутого» человека все же хватило здравого смысла, чтобы в условиях Всероссийской октябрьской стачки отказаться от сделанного ему предложения. «...Великий князь вынимает из кармана револьвер, — вспоминал министр двора барон В. Б. Фредерикс, — и говорит: ты видишь этот револьвер, вот я сейчас пойду к государю и буду умолять его подписать манифест и программу графа Витте; или он подпишет, или я у него же пушу себе пулю в лоб из револьвера»***.

Что же рекомендовал этот опытный и хитрый бюрократ? Доклад, поданный им, был ярким примером византийского лукавства. Почти каждое утверждение в нем сопровождалось оговорками, целью которых было оставить лазейку для произвола и всемогущества чиновной бюрократии. Не все современники поняли это сразу, но ход последующих событий подтвердил, что дело обстояло именно так. Витте предлагал, чтобы в России была введена законодательная Дума, однако правительство должно было по-прежнему быть ответственным только перед царем, назначаться и смещаться только им. Дума могла сколько угодно законодательствовать (тем более, что ее «законы» утверждал стоящий над ней Государственный совет, а затем и сам царь), а реальная власть оставалась по-прежнему у самодержца.

* Там же. С. 25.

** Там же. С. 91.

*** Там же. С. 41.

Надо провозгласить политические свободы, но осуществлять их в «усеченном» виде, ибо «сразу приуготовить страну с 135-миллионным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не по силам никакому правительству»*. Поэтому одним из «руководящих принципов» Витте предлагал сделать не уничтожение различных чрезвычайных мер управления страной (в виде военно-полевых судов, прозванных в народе «скорострельными», или карательных экспедиций, свирепствовавших в России), а всего-навсего платоническое «стремление к устранению исключительных законоположений», не полное прекращение репрессий и тем более не амнистию всех политических заключенных, а «устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих (подчеркнуто мною. — К. Ш.) обществу и государству»**.

В довершение всего хитрый Витте советовал не издавать манифест от имени царя, а опубликовать этот документ от имени впервые создаваемого в России объединенного Совета министров, председателем которого он должен был быть назначен (до этого каждый министр подчинялся непосредственно царю). Этим Витте хотел убить сразу двух зайцев: во-первых, поднять свой авторитет как главы будущего Совета министров и, во-вторых, (пожалуй, это было самым главным), — не связывать рук царю его обещаниями и дать Николаю II возможность после «успокоения» страны своей «верховой» властью отменить любую из предложенных правительством, но не утвержденных царем мер.

Однако подозрительный и близорукий Николай II увидел в этом предложении только «первого зайца». Он 17 октября 1905 г. опубликовал от своего имени предложенный манифест, которому явно не сочувствовал, надеясь, как всегда он поступал в подобных случаях, изменить в будущем свое «царское слово» столько раз, сколько ему этого захочется. «Да, — писал царь своему любимцу Д. Ф. Трепову, — России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное»***. Сколько раз в последующем и он, и его министры

* Там же. С. 92.

** Там же. С. 93.

*** Цит. по: Революция 1905–1907 гг. в России. М., 1975. С. 161.

утверждали, что «в России, слава Богу, нет конституции», — и сосчитать невозможно. Однако в октябре 1905 г. царь считал, что «дает» конституцию, хотя ни ее, ни обещанных свобод соблюдать и не думал. Узнав, что на другой день после подписания манифеста, 18 октября 1905 г., полиция и войска по-прежнему расстреливают демонстрации в разных местах Петербурга, Николай II наложил на этот доклад резолюцию, в которой требовал объявить его «горячую благодарность войскам» за их «беззаветно верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах. То же самое чинам полиции и жандармского корпуса»*.

Опубликование манифеста 17 октября 1905 г. сопровождалось провоцированием выступлений реакционных элементов черни, вдохновляемой царской администрацией. Более чем по сотне городов 36 губерний России прокатилась мутная волна черносотенных погромов. В течение первого месяца «конституционных свобод» от рук черносотенцев пало более 4 тыс. человек и до 10 тыс. было искалечено. Николай II открыто поощрял погромщиков, оберегая их от суда и любых форм преследования. «Объединяйтесь, истинно русские люди!», «Искренне благодарю вас!», «Буду любить преданных!», «Вы — моя опора и надежда!». Подобные резолюции, наложенные Николаем II на сообщения о погромах и погромщиках, публиковались в прессе, и их знала вся страна**. По признанию самого главы правительства, С. Ю. Витте, правящим кругам России пришлось прибегнуть к помощи «героев вонючего рынка», «хулиганам самого низкого разряда», преследующим в «громадном большинстве случаев цели эгоистические, самые низкие, желудочные и карманные. Это типы лабазников и убийц из-за угла»***. Так и только так понимал Николай II введение «конституционных порядков» в стране. Большого двуличия, реакционности и просто отсутствия элементарной политической дальновидности трудно себе и представить. «Дать» реформы, но так, чтобы не поступиться и частичкой власти, — вот предел «мудрости» последнего российского самодержца!

Свирепствовало и официальное правительство, возглавляемое С. Ю. Витте. Царь доволен председателем Совета министров, но втайне мечтает о его скорейшей смене, так как уж слишком

* Там же. С. 165.

** См.: *Муравьев А. М.* Первые раскаты великой бури. Л., 1975. С. 20.

*** *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 47.

превосходит его Витте в уме, дальновидности и твердости характера, а этого Николай II не прощал никому! «Витте, — пишет царь матери в январе 1906 г., — после московских событий (декабрьского вооруженного восстания. — *К. Ш.*) резко изменился: теперь он хочет вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит»*. Ограниченный и прямолинейный реакционер, Николай II никак не мог понять тех пируэтов, которые «выписывал» Витте, видевший, что одними штыками революцию не одолеть, что когда нет силы, то кое в чем необходимо делать уступки. Этих-то вынужденных уступок, вырванных революцией, царь никогда не мог простить своему министру, дни которого как политического деятеля были поэтому сочтены. Накануне созыва I Государственной думы Витте был уволен в отставку и заменен совершенно бесцветным бюрократам И. Л. Горемыкиным. I Дума — «Дума борьбы», как ее называли сами думцы, просуществовала недолго. Слишком уж она не «вписывалась» в самодержавную структуру. 9 июля 1906 г. царь записывает с радостью в дневнике: «Свершилось! Дума закрыта. За завтраком после обеда заметны были у многих вытянувшиеся лица».

Но и II Дума оказалась «неподходящей» для Николая II. Она продолжала конфликтовать с правительством по всем вопросам, и прежде всего по аграрному, требуя конфискации некоторых из частновладельческих земель. В условиях спада революции самодержавие решило изменить избирательный закон в Думу, чтобы таким образом «улучшить» ее социальный состав и уменьшить конфликты с новым, более покладистым законодательным учреждением. Было выработано два варианта изменения избирательного закона (чего правительство делать не имело права и что, по сути дела, было государственным переворотом), один из которых сами творцы прозвали «бесстыжим» — до такой степени он урезал права избирателей и сужал их круг. Когда на совещании под председательством царя обсуждался вопрос, какой из них выбрать, Николай II со смехом заявил: «Я — за бесстыжий»**.

3 июня 1907 г. II Государственная дума была разогнана, и выборы в III Думу намечалось проводить уже по новому, из-

* Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 189.

** Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 323.

мененному избирательному закону. Это был конец первой народной революции в России. Царь записал в дневнике в этот день: «Простояла чудная погода. Настроение было такое же светлое по случаю разгона Думы». На второй день, что бывало нечасто, Николай II вновь возвратился к этой же теме: «Слава Богу, уже второй день после роспуска Думы, всюду полнейшее спокойствие!» (4 июня 1907 г.).

Революция потерпела поражение, наступал период реакции, время П. А. Столыпина с его «галстуками», как стали называть намыленную палачом удавку для повешенного. Столыпин провозгласил формулу: «Сначала успокоение, а потом реформы». Но Николай II со своим ближайшим окружением дал премьеру выполнить только ее первую половину. Столыпин не пришелся к «царскому двору», и в значительной мере по той же причине, что и Витте. В сравнении с Витте Столыпин был менее ярким политиком, но тоже обладал твердым характером и серьезно верил в необходимость проведения некоторых реформ. Оба эти обстоятельства не удовлетворяли Николая II, который всякие реформы считал излишними для столь совершенного политического строя, как самодержавие. После того как Столыпин установил в стране кладбищенский покой, он со всеми своими проектами реформ стал ненужным царю. Еще до того, как провокатор Богров застрелил его в сентябре 1911 г. в Киеве, Столыпин был политическим трупом, и вопрос о смещении его с поста председателя Совета министров в принципе был решен. Пуля охранника поставила последнюю точку лишь в физической жизни премьера.

Теперь Николай II оказался в окружении почти полных бесхарактерных ничтожеств, входивших в его правительство, и мог «развернуться» без помех.

Но с 1910 г. начался сначала медленный новый революционный подъем, переросший после Ленского расстрела 4 апреля 1912 г. (202 убитых и 170 раненых) в очевидную для всех угрозу новой революции. Для всех, кроме царя, не знавшего других методов борьбы с инакомыслием, кроме «силовых приемов». Даже в III «законопослушной» Думе вновь возникли сильные оппозиционные настроения в отношении к самодержавному строю, не дававшему никаких надежд на мирное революционное развитие России по пути реформ, обещанных, но не проводимых царским правительством. Более того, уже в конце срока деятельности III Думы (лето 1912 г.) в крайне правых кругах

зародилась идея нового переворота, нового изменения избирательного закона*.

Два с половиной предвоенных года были наполнены острейшими международными и внутривнутриполитическими коллизиями. Буквально у порога России отпыхали итало-турецкая и две Балканские войны, число забастовщиков в 1913 г. резко подскочило, а за первую половину 1914 г. приблизилось к размаху, достигнутому в годы первой российской революции — бастовало более миллиона человек. Летом в столице вновь строятся баррикады. А в дневниках у Николая II — все то же: с кем обедал, завтракал, какая погода, кто из министров был с докладом. Создается впечатление полного спокойствия и в России, и в Европе. Лишь изредка мелькнет то встреча с Пуанкаре, то отрывочное упоминание о военных делах. В действительности же царь активно вмешивается и во внутреннюю, и во внешнюю политику, проявляя смесь полной некомпетентности с крайней реакционностью. Почти день в день с октябрьским манифестом 1905 г., 18 октября 1913 г., Николай II подписывает два указа. Одним Петербург объявлялся на чрезвычайном положении, а другим — распускалась IV Государственная дума, причем следующая (срок созыва которой не указывался) должна была носить уже не законодательный, а законосовещательный характер**. Дата на указах не была проставлена, и министр внутренних дел Н. А. Маклаков мог «испросить» ее по телефону, после чего и опубликовать для всеобщего «сведения и руководства».

Трудно представить себе более упрямого, реакционного и близорукого императора! Он уже царствовал 19 лет, прошел через два с половиной года революции, уже раз упаковывал чемоданы, чтобы с семьей искать спасения у немецких или английских родственников и... ничему не научился! Царь по-прежнему был твердо убежден в том, что самодержавие — самая лучшая и единственно возможная в России система политического строя, что из двух существующих форм исторического прогресса реформистский путь — это выдумка интеллигентов, оторванных от «истинно-русского народа», а революционный — это происки той же интеллигенции и «иностранцев», да еще и недо-

* Там же. С. 505.

** Там же. С. 526.

смотр МВД. Из такой дремучей политической заскорузлости вырастал и дикий способ «управления» страной: никаких реформ не давать, со всеми «инакомыслящими» разговаривать только в доме предварительного заключения; тех, кто вышел с протестом на улицу, — разгонять казакам, жандармам и полицейским. Страна «вгонялась» в революцию, начало которой лишь ненадолго отодвинула вспыхнувшая мировая война.

Годы мировой войны стали последним этапом в бесславном царствовании бесславного царя. Нельзя сказать, чтобы он с легким сердцем и радостью бросился в эту кровавую бойню. Николай II, как всегда при принятии важного решения, несколько раз то «повелевал» объявить мобилизацию, то отменял ее. И это при условии, когда он хорошо знал, что военная конвенция, заключенная с Францией, предусматривала наступление русских войск на Восточную Пруссию в течение минимального срока. Военным, понимавшим, что война — дело неизбежное и дорог буквально каждый час, — нерешительность царя испортила немало крови. Получив после очередной отмены мобилизации очередное разрешение провести ее, начальник Главного управления Генерального штаба России генерал Янушевич бросил своему адъютанту: «А теперь — разбейте телефон!»

Но колебания царя происходили не из-за того, что он был мудр и предвидел опасность социальных катаклизмов, неизбежно порождаемых каждой войной, и не оттого, что он, как кайзер Вильгельм, знал, что армия полностью готова к войне и пришита последняя пуговица к штанам последнего солдата. Встретившись через несколько дней после начала войны с председателем комиссии по военным вопросам IV Государственной думы полковником в отставке Б. А. Энгельгардом, царь сказал ему: «Как хорошо, что мы успели утвердить “Большую программу”!» * Энгельгардт остолбенел: «Большую программу» Дума утвердила за несколько дней до начала войны, а окончена эта программа должна была быть через 5 лет. Т.е. в 1919 г.! И в военном деле, знатоком которого считал себя гвардейский полковник Николай Александрович Романов (после утверждения его в этом звании отцом, Александром III, Николай II не повышал сам себя в другие чины!), он оказался полным профаном.

* *Энгельгардт. Потонувший мир // Военно-исторический журнал. 1964. № 9. С. 58.*

За первыми удачами в Восточной Пруссии и в Галиции последовали жестокие поражения: в апреле 1915 г. немцы прорвали фронт под Горлицей, и русские армии покатались на восток: была оставлена Польша и большая часть Прибалтики. «Гражданский мир», объявленный самодержавию не только либеральными, но и мелкобуржуазными партиями, рухнул под напором «патриотической тревоги».

Начавшееся с весны 1915 г. сначала медленное оживление, а затем волнообразно нарастающий рост рабочего движения и либеральной оппозиционности происходили в необычных условиях, определявшихся не только войной, поражениями, но и резко возраставшей деградацией политической власти и элементарных морально-этических норм в верхах Российской империи. При дворе всегда вертелись различные шарлатаны, юродивые и блаженные. Их охотно принимали у себя царь с царицей. Француза Папюса, вызывавшего дух Александра III и передававшего сыну пожелания отца, сменяла Матрена-босоножка, поражавшая Николая и Александру тем, что в любую стужу ходила босиком. На смену ей пришел Митя Козельский, юродивый, пускавший слюни и издававший мычание, которое «переводил» на членораздельную речь возивший его в специальной коляске ловкий толкователь. Но всех превзошел сибирский варнак, избитый за конокрадство односельчанами до полусмерти, бродивший после по монастырям и святым местам «божий человек» Григорий Распутин, ставший символом разложения и гниения «высшего света» и самодержавия последних лет царствования Николая II. Впервые повстречалась с ним венценосная чета 1 сентября 1905 г., что счел нужным отметить в дневнике царь: «Познакомились с человеком Божиим из Тобольской губернии»*.

С тех пор осторожно, но неуклонно хитрый мужик расширял свое влияние на истеричку-царицу. Мистически настроенная и психически неуравновешенная Александра Федоровна, доктор философских наук (!), искренне уверовала, что неизлечимо больного гемофилией наследника Алексея могут спасти только молитвы «святого старца», «нашего Друга», как с большой буквы называла она в письмах к царю грязного мужика-развратника. Пьяные скандалы этого эротомана были настолько известны всей

* ЦГАОР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249. Л. 71.

стране, что Николай II еще до начала мировой войны несколько раз выгонял его из столицы, но каждый раз возвращал после истерик своей супруги. Премьер-министру В. Н. Коковцову, представившему документы о том, как позорит Распутин царскую семью и династию, Николай со вздохом ответил: «Владимир Николаевич! Лучше один Распутин, чем десять скандалов в день!»

В годы мировой войны к уверенности царицы, что только Распутин может сохранить здоровье сына, прибавилась другая навязчивая идея: только он один своими молитвами поможет выиграть войну: «Я всецело верю в мудрость нашего Друга, ниспосланную ему Богом, чтобы советовать то, что нужно тебе и нашей стране», — пишет она Николаю II 4 сентября 1916 г.*. «Слушай его — он желает тебе лишь добра, а Бог дал ему больше предвидения, мудрости и проницательности, чем *всем* (подчеркнуто в тексте. — *К. Ш.*) военным вместе», — вновь требует Алике у Ники через три дня**.

И покорный муж действительно слушает свою настырную жену. Разумеется, неграмотный Распутин не мог управлять страной, но путь к воздействию на больную женщину он нашел. Александра Федоровна еще больше Николая была помешана на идее сохранения самодержавной власти, и именно на этом и стал играть Распутин. Чувствуя ее нерасположенность к верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу («Николаше» в дневниках царя), который, по мнению царицы, «оттирал» на задний план самодержца, Распутин стал настойчиво проводить мысль, что возглавить армию и привести ее к победе должен лично царь. После обычных колебаний Николай II согласился с женой, но неожиданно встретил единодушное сопротивление почти всего Совета министров, пытавшегося объяснить царю, что, встав во главе вооруженных сил, он будет нести ответственность не только за возможные победы, но и за реальные поражения. Ничего не помогло! Как всегда в таких случаях, упрямый Николай «закусил удила».

С ростом социально-политической напряженности в стране и явно приближающейся революцией психически неуравновешенная царица, вконец подавив слабовольного супруга,

* Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917. М., 1927. Т. V. С. 1.

** Там же. С. 12.

возомнила, что именно ей выпала нелегкая доля спасти самодержавие от его многочисленных врагов. Она не сомневалась, что рецепт спасения прост и ясен: «Россия любит кнут!» — пишет она в середине декабря 1916 г.* «Мое солнышко, согни их в бараний рог... Пичужка моя, не давай никому из них пощады». И мечтательно добавляет в разных письмах: «Как я хотела бы, чтобы Родзянко (председатель IV Думы. — *К. Ш.*) повесили — ужасный человек и такой нахал...» (17 сентября 1916 г.). «Я бы сослала Львова (председателя земско-городского союза. — *К. Ш.*) в Сибирь... отняла бы чин у Самарина... (председатель Святейшего Синода — враг Распутина. — *К. Ш.*)... Милюкова (руководителя конституционно-демократической партии. — *К. Ш.*), Гучкова (руководителя партии октябристов. — *К. Ш.*) — тоже в Сибирь...» «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех» (14 сентября 1916 г.).

Царь стремился уподобиться Ивану Грозному и в поисках опричников, новоявленных «спасителей отчизны», начинает то, что даже крайне правый В. М. Пуришкевич назвал с трибуны Государственной думы «министерской чехардой». За два с половиной года войны самодержец сменил четырех председателей Совета министров, шесть министров внутренних дел и трех иностранных, четырех военных министров. Но самым горьким для самодержавия было то, что, сколько бы ни тасовалась «министерская колода», найти выигрышную карту было невозможно. Одну бездарь, одного маразматика сменяли другие. Вот перед нами первый глава правительства в годы войны. Много наблюдавший за ним великий русский поэт А. Блок пишет: «Горемыкин — полный рамолик, от него ничего не узнать, воли у него уже нет... Говорит еле слышно почти всегда. Случайно припоминает. — О, какой дряхлый, сейчас умрет. Кожа местами ярко-сизая, стеклянные глаза»**. На вопрос председателя Думы, как в таком возрасте (в год повторного назначения председателем Совета министров ему исполнилось 75 лет!) он согласился стать главой правительства, Горемыкин развел руками и ответил: «Ах, друг мой, я не знаю, почему, но меня уже третий раз вынимают из нафталина»***.

* Там же. С. 185.

** Блок А. А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 327.

*** Революция и Гражданская война в описании белогвардейцев. М., 1925. С. 21.

А вот последний князь Н. Д. Голицын, известный только тем, что никогда открыто не критиковал Распутина и вместе с царицей работал в Красном Кресте. По настоянию последней его, против собственной воли, поставили «руководить» в военное время правительством величайшей мировой империи. «Как вы, почтенный князь (Голицын был помоложе Горемыкина: ему в день назначения шел только шестьдесят седьмой год. — *К. Ш.*), идете на такой пост в столь тяжело время, не будучи совершенно подготовленным к такого рода деятельности?» — спросил его М. В. Родзянко. И в ответ получил чистосердечное признание: «Я совершенно согласен с вами. Если бы вы слышали, что я наговорил сам о себе императору: я утверждаю, что если бы мне сказал все это кто-либо другой, то я вынужден был бы вызвать его на дуэль»*.

Под статью последнему главе правительства были и его министры. Вот два, занимавших важнейшие посты: военный министр М. А. Беляев и министр внутренних дел А. Д. Протопопов. Первого, выдвинутого на этот пост Распутиным, сослуживцы прозвали за лысый череп, безжизненные потухшие глаза и полное отсутствие мыслей «мертвой головой». Когда после Февральской революции созданная Временным правительством Чрезвычайная следственная комиссия (далее ЧСК) стала допрашивать его про чинимые им беззакония, этот «герой» — генерал по-женски рыдал и просил только одного — уволить его от службы «с мундиром и пенсией».

Среди царских министров, пожалуй, не было лица, более ненавистного и «правым», и «левым», и «средним» деятелям «общественности», чем А. Д. Протопопов. Полусумасшедшего мракобеса ненавидели все — от крайнего монархиста В. М. Пуришкевича до лидера «оппозиции его величества» вождя кадетской партии П. Н. Милюкова. Даже Николай II чувствовал, что Протопопов — «не то». «Мне жаль Протопопова, — писал он жене, — хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни. Рискованно оставлять в руках такого человека Министерство внутренних дел в такие

* Там же.

времена»*. Но избавиться от Протопопова «самодержец» так и не смог. Протопопов был креатурой самого «святого старца», и за него горой стояла императрица. «Протопопов честно стоит за нас. О, милый, — писала она царю, — ты можешь на меня положиться. Я, может быть, недостаточно умна, но я сильно чувствую, и это часто помогает больше, чем ум. Не сменяй никого до нашего свидания, умоляю тебя»**. И Протопопов остался... Еще в феврале 1917 г. он попытался установить свою диктатуру, железной рукой подавить революцию, приказал выдать полиции пулеметы и стрелять во «взбунтовавшуюся чернь». А в марте он униженно плакался в ЧСК: «Я очень плохо думаю. Я искренне говорю, я плохо соображаю, у меня скверно работает голова»***. Бывший кандидат в диктаторы завалил следственную комиссию кучей добровольных письменных показаний. Ни один из 19 доносов на самого себя уже не мог его успокоить. «Прихожу к выводу, — писал он председателю ЧСК, — что письменно изложить все свои показания связано я не могу. Опасаясь дальнейшим промедлением возбудить ваше неудовольствие, я решаюсь обратиться к вам с усердной просьбой указать мне, что я еще должен сделать»****.

Политика царя, назначавшего руководителями империи подобные ничтожества, рождала негодование самых верных слуг самодержавия и даже вызвала великокняжескую фронду, мечтавшую отправить ненавистную Александру Федоровну в монастырь. Не случайно в убийстве «треклятого Гришки Распутина» участвовали не только один из лидеров крайне правых В. М. Пуришкевич, но и вел. кн. Дмитрий и ближайший родственник царя кн. Ф. Ф. Юсупов. Но, разумеется, подобная «экстраординарная» мера не могла спасти страну от революции и монархию от крушения. Если в начальный период Русско-японской войны, в которую легкомысленно вверг Россию молодой император, еще была реальной альтернатива: реформы или революция; если в принципе, теоретически она продолжала еще существовать в годы реакции и нового революционного подъема, то с поражениями на фронте, с досрочным роспуском

* Переписка Николая и Александры Романовых... Т. V. С. 146.

** Там же. С. 148.

*** Падение царского режима. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 122.

**** Там же. (М., 1927). Т. IV. С. 50.

сессии IV Государственной думы в сентябре 1915 г. и другими реакционными мерами правительства, альтернатива эта была снята. Всей своей внутренней политикой в годы мировой войны царь с царицей и реакционными министрами сделал невозможной реформистскую альтернативу, о которой они и слышать не хотели. Выбор был определен: для трудного и мучительного прогресса России царем и его слугами был оставлен только один путь — путь революционной борьбы. На него и вступила страна.

В январе 1917 г. бастовало более четверти миллиона человек. Нараставшее как снежный ком рабочее движение поддержали крестьяне, одетые в солдатские шинели. Хорошо знавший положение дел в армии командующий Юго-Западным фронтом генерал А. А. Брусилов писал в своих воспоминаниях: «К февралю 1917 г. вся армия — на одном фронте больше, на другом меньше — была подготовлена к революции». Так же считали и другие генералы. Вот почему на вопрос Николая II, даст ли командующий Северным фронтом приказ стрелять в рабочих Петербурга, если они выйдут на улицы, последний ответил решительным: «Нет!» Почему? — спросил удивленный царь, привыкший к тому, что военные в его подданных стреляли безропотно. «Потому что солдаты откажутся стрелять», — заявил командующий. Без особой натяжки он мог бы сказать откровеннее: потому что солдаты поддержат рабочих.

Понимал ли царь с царицей, что происходило в России? Как видно из дневников и их переписки — нет. В канун революции бывшая гессенская принцесса, считавшая себя знатоком «русской души», писала супругу: «Дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским... Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: “Нам нужен кнут!”»*.

А в день начала революции, 23 февраля (8 марта) 1917 г., царь отвечает жене: «Мне очень не хватает получасового пасьянса каждый вечер. В свободное время я здесь опять примусь за домино (“забивать козла” было любимым занятием императора. — *К. Ш.*). Эта тишина вокруг гнетет, конечно, если нет работы»**. А в столице в это время все громыхало и кипело. Николай это мог прочесть в донесениях, а Александра могла, если бы захотела,

* Переписка Николая и Александры Романовых... Т. V. С. 208.

** Там же. С. 213.

видеть все воочию, но она предпочитала толковать революцию весьма своеобразно: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать»*. Информаторы у нее, поставлявшие во дворец такие «точные» сведения, были очень надежные: «Лили (Ю. А. Ден — бывшая фрейлина царицы. — К. Ш.) заговаривает с извозчиками, чтобы узнать новости»**. Трудно себе представить большую оторванность не только от народа, от жизни страны, но даже от донесений собственных чиновников, уже с конца 1916 г. откровенно и из разных ведомств (МВД, военное министерство, Совет министров) писавших о прогрессирующей взрывоопасной обстановке в стране.

История сохранила немного документов такой саморазоблачительной силы, как короткие и бессодержательные дневниковые записи царя в дни Февральской революции. Опять все то же: читал, спал, гулял... Внешне корректный, вежливый, спокойный, Николай II не зря со дня ходынской катастрофы получил прозвище Кровавого. Все годы царствования этого бессердечного человека, двуличного, внутренне лживого и слабовольного, совершенно лишеного чувства сострадания к кому бы то ни было, как в капле воды отразились в записях за 12 дней, с 22 февраля по 2 марта 1917 г. Чтобы залить кровью восставшую столицу, он посылает известного еще с 1905 г. по подавлению Кронштадтского восстания «крепкого» генерала Н. И. Иванова и с эпическим спокойствием называет это 28 февраля 1917 г. «водворить порядок». Об отречении написано коротко и бесстрастно: «Я согласился», а запись на другой день, 3 марта, начинается с поразительных строк: «Спал долго и крепко...» Отречение было написано карандашом на клочке бумаги. Знавших все это современников поразило: «Отрекся — словно сдал эскадрон», — писал один из них***.

Но дело было не только в фатализме, свойственном царю. Дело было и в другом: Николай II вел обычную, как ему казалось, тонкую и хитрую, а по сути, коварную, но недальновидную

* Там же. С. 218.

** Там же. С. 221.

*** *Пушкарёв И. М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 211.

двойную игру. В этом убеждает и переписка царя с царицей, и запись в тот же день, 3 марта: «Оказывается, Миша отрекся. (Отречение от престола Николаем было подписано в его пользу. — *К. Ш.*). Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» — а далее излагает свою сокровенную мечту: «В Петрограде беспорядки прекратились, лишь бы так продолжалось дальше».

Тайные планы царя, как всегда, не раскрыты в дневнике, разгласила его экспансивная супруга. В письме 2 марта, настаивая, чтобы Николай носил крестик, подаренный «нашим Другом» (Распутиным), который помогает принимать «трудные решения», Александра пишет: «...Они (М. В. Родзянко и другие оппозиционеры самодержавного произвола. — *К. Ш.*) хотят не допустить тебя увидеться со мной, прежде чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде (подчеркнуто мной. — *К. Ш.*) ...Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в каком случае не обязан их исполнять, потому что они будут добыты недостойным способом... Такое обещание не будет иметь никакой силы, — продолжает главная советчица царя, — когда власть будет снова в твоих руках»*.

Романовы, как и Бубновы, ничего не забыли и ничему не научились. Вся их надежда была на то, что история повторится вновь. Как манифест 17 октября 1905 г. имел «усеченную силу», когда реальная власть после подавления первой революции вновь оказалась в руках царя, так и манифест об отречении в случае победы над второй революцией остался бы клочком бумаги с карандашными каракулями.

Но история не идет по кругу. Она переходит на второй виток. 23 года упорной, судорожной хватки за самодержавную власть привели к тому, к чему они неизбежно должны были привести — к тотальному краху монархии, а всю семью монарха — в подвал екатеринбургского дома купца Ипатьева. В России в более трагической форме произошло то, что, как правило, бывает во всех народных революциях: англичане отрубили голову Карлу I, французы гильотинировали семью Людовика XVI, румыны расстреляли Чаушеску с женою.

* Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. С. 226–229.

Такой конец предвидеть было совсем не трудно, и предсказывали его неизбежность самые различные люди, и отнюдь не большевики, которые поставили лишь трагическую точку в судьбе Романовых. Когда через пять дней после отречения Николая II министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский поднялся на трибуну Московского совета рабочих депутатов, ему, по его собственному признанию, не давали говорить: «Смертная казнь Николаю Второго и отправка семьи из Александровского дворца в Петропавловку или Кронштадт — вот яростные, иногда исступленные требования сотен всяческих делегаций, депутатий и резолюций, предъявлявшиеся Временному правительству и, в частности, мне, как ведавшему и отвечавшему за охрану и безопасность царской семьи». И добавлял: «Если бы Романовых не отправили в Тобольск, они погибли бы в Царском Селе не менее ужасно, но почти на год раньше». Как видим, участь семьи Романовых была предрешена задолго до того, как большевики взяли власть. Предрешили ее не два десятка людей в кожаных тужурках, а поистине всенародная ненависть к последнему представителю династии, накопившаяся за время его царствования. Гнев у рабочих вызвало просочившееся известие о том, что буржуазным правительством вынашивается план эмиграции Романовых. В первые же дни представители стран Антанты вели переговоры с царем, царицей и великими князьями о вывозе их в Англию. В мае 1917 г. Александр Блок занес в записную книжку поразительные по пронизательности слова: «Трагедия еще не началась, но будет ужасно, когда они встанут лицом к лицу с разъяренным народом». «Они» — это Николай и Александра, которые по-прежнему неуклонно верили в то, что, как и в 1905 г., все еще «образуется», гроза минует, и время «благоцарствования» вернется на круги своя.

Близость революционного Петрограда и Кронштадта делала царскосельское «затворничество» Николая II небезопасным, и стоявшие у власти поспешили, не накаляя и без того разгоревшиеся страсти, «удалить» Романовых. Но предпринять попытку вывоза за границу, в центр или на юг через рабоче-крестьянскую Россию, не представлялось возможным, и тогда остановились на Тобольске. «Его особое географическое положение, вызванное удаленностью от центра, — по словам Керенского, — не позволяло думать, что там будут какие-либо

стихийные эксцессы». Городок губернского ранга, небольшой, тихий, полусонный, с засильем купечества и чиновничества, рабочих мало. Двумя железнодорожными составами (с полагающейся прислугой, учителями, мебельными гарнитурами и прочим домашним скарбом) под усиленной охраной достигли Тюмени, а там на пароходах «Русь», «Кормилец» и буксире «Тюмень» добрались уже до Тобольска, где под поселение отводился двухэтажный каменный дом губернатора (для прислуги — купеческий дом напротив). Романовым предоставлялось право расходовать 4200 рублей в месяц на семью и 600 рублей на каждого человека, включая и обслугу. Учитывая, что тайное бегство судит гораздо больше неприятностей, Николай II согласился на такие условия своего существования и коротал будни за чтением, прогулками и любительскими спектаклями.

«Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и Москве. Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени, — так отозвался Николай II о происшедшей Октябрьской революции и в том же тоне продолжал: — Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами?.. Даже не знаешь, на что надеяться, чего желать». На «тобольское сидение» судьба отвела около девяти месяцев. Ранней весной в Уральском совете прямо заговорили о фактической «безнадзорности» Романовых, о блуждающих слухах относительно шхуны «Мария», «готовящейся к отплытию», на которой семейство рассчитывало якобы бежать за границу.

В марте секретарь Уральского обкома партии большевиков Ф. И. Голощеков отправился в Москву. На заседании Президиума ВЦК он доложил о сложившейся обстановке. По предложению Я. М. Свердлова решено было: во-первых, подготовить открытый судебный процесс по делу о преступлениях бывшего царя перед народом; во-вторых, перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург — под контроль Уральского совета. Проект организации процесса предполагалось вынести на утверждение предстоящего съезда Советов — с соблюдением действующих в то время юридических норм.

26 апреля к губернскому дому подогнали 8 парных и 11 трочечных (включая специально крытых для царицы) тарантасов, и все семейство с челядью отправилось в путь: до Тюмени, от-

туда по железной дороге до пункта назначения. 30 апреля поезд прибыл в Екатеринбург, на автомобилях Романовы были доставлены в особняк купца Ипатьева, стоявший на косогоре (на углу Вознесенского проспекта и одноименного переулка). 9 мая 1918 г. газета «Уральский рабочий» опубликовала специальное сообщение об этом. В тот же день на заседании ВЦИК Свердлов сообщил о новых заговорах реакционных элементов о том, что Уральскому совету указано на необходимость более бдительного содержания бывшего царя, являющегося «арестантом Советской власти». 18 месяцев длилась сибирско-уральская ссылка Романовых, и, кстати сказать, условия содержания их по тому голодному для всей страны времени были очень «мягкими» (дневники Николая II с февраля 1917 до конца июня 1918 г. — наглядное тому свидетельство). Дальнейшие события невольно ускорили развязку.

Еще с самого начала германская миссия, возглавляемая графом фон Мирбахом, пыталась навязать советским властям торг вокруг бывшего царя. Но кайзеровские притязания и запугивания кончились ничем. Продолжением проромановских происков можно считать и ставку правительств держав Антанты на Алексеева, Деникина и Колчака, пособничество мятежам Корнилова и Дутова, приступивших к собиранию армий и мятежу чехословацкого корпуса. Крайне правым антантовским кругам восстановленная монархия представлялась наиболее выгодным и оптимальным орудием дальнейшего подчинения России, раздела ее на сферы влияния, территориального расчленения в любом варианте. Если бы эти планы удались, контрреволюция обрела бы знамя, вокруг которого неизбежно объединились бы все сторонники монархии в России. В равной степени это понимали и те, кто хотел любыми способами спасти царскую семью от разгневанного народа, и те, кто опасался этого.

Интервенты высадились в Мурманске. Чешский легион захватил Омск и двигался к Екатеринбургу. Вся железнодорожная магистраль от Самары до Владивостока и прилегающие к ней районы подпали под власть белых. Пали Пенза, Сызрань, Симбирск, Томск. К середине июля 1918 г. Екатеринбург представлял последнюю на Урале крупную преграду на пути контрреволюции. В июле город уже не имел связи с Москвой. Белые могли захватить его в любой момент.

Получив «крещение» в Ипатьевском монастыре близ Костромы (где 21 февраля 1613 г. первый из Романовых, 16-летний Михаил Романов, был коронован на престол), династия закончила свое существование в Ипатьевском подвале в ночь на 17 июля 1918 г.

Времени для «нормального» судопроизводства не оставалось. Официальное сообщение о приведении в исполнение приговора поступило в Президиум ВЦИК 18 июля 1918 года. Вечером в Кремле заседал Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина. Свердлов попросил короткое слово о сообщении. Последняя точка в последней главе трехсотлетнего самодержавия Романовых была поставлена.

